

Марш-бросок длиной в два года

Не всякому поэту удастся в 17 лет увидеть свою книгу изданной. Анатолию Кобенкову повезло, в этом возрасте он выпустил свой первый поэтический сборник «Весна» в Хабаровском книжном издательстве в 1965 году.

Три года спустя в Иркутске вышел его второй сборник — «Улицы». Правда, обе книжицы были небольшими по объему и вышли в коллективных сборниках «Бригада-65» и «Бригада-68». Но не зря говорится: мал золотник, да дорог. Важно, что первые книги состоялись и послужили добротной заявкой на будущее.

В 1974 году в Восточно-Сибирском издательстве уже отдельным изданием вышла книга поэта — «Вечера», заслужившая признание читателей и взыскательной критики. Имя молодого поэта замелькало на страницах литературных изданий, все чаще стало упоминаться на различного рода литературных форумах. Из-за его стихов «ломали копья» на страницах «Литературной газеты» Инна Ростовцева и Марк Соболев. О творчестве ангарчанина одобрительно отзывался Евгений Винокуров.

Тем временем А. Кобенков отслужил два года в армии, поступил на заочное отделение Литературного института А. М. Горького, где учится сейчас на 4-м курсе. В этом году в том же Восточно-Сибирском книжном издательстве вышла новая — четвертая по счету — книга стихов Анатолия Кобенкова под названием «Два года».

Композиция книги весьма проста: в первой части книги ее лирический герой служит в армии, во второй — возвращается домой и живет в родном городе. Пересказать книгу более подробно не представляется возможным. При пересказе поэзия, содержащаяся в контексте, меркнет, утрачивает форму, теряет свое очарование и красоту, как морская звезда, выброшенная на песок.

В 1976 году на совещании молодых писателей Сибири и Дальнего Востока в Иркутске при обсуждении новой рукописи А. Кобенкова кое-кто обвинял его в излишнем инфантилизме, в нарочитой «детскости», настойчиво вопрошая: «Не пора ли ему мужчиною стать в поэзии?». И на этот раз, беря в руки четвертую книгу поэта, я рассчитывал услышать «речь не мальчика, но мужа».

Анатолий Кобенков недвусмысленно дал понять своей книгой, что взрослеть любому молодому поэту нужно, но нельзя при этом становиться поперек дороги собственному дарованию. И в новой книге А. Кобенков остался самим собой, с его «лица необщим выраженьем», с присущей ему

свежестью мировоззрения и тонким умением «впадать в детство», разумеется в переносном, поэтическом смысле. Понятно, что «впадать в детство» надо умеючи, дабы не показаться глупым и смешным.

Мы не смеемся, читая у Блока:

... И только высоко, у царских врат,
причастный тайнам, — плакал ребенок
о том, что никто не придет назад.

Или у Есенина:

... Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Детскость А. Кобенкова того же происхождения. И в этом совсем не трудно убедиться:

Та женщина, которую люблю,
На улицу выходит только с сыном —
вчера он отобрал ее перчатки
и бросил в пруд, — чтоб рыбок накормить...

Стихи Анатолия Кобенкова интуитивны, поэт смотрит на мир, как большой ребенок:

А разве плохо бегать под дождем,
Купаться в реках, кувыряться в травах,
быть добрым,
быть и правым, и неправым,
днем — мальчиком, а ночью — стариком?..

У А. Кобенкова своя, присущая лишь ему поэтическая интонация, без которой он не мыслит себя как поэт, в этом заключены особенности его поэтического характера. Не будем осуждать его за это. Великое дело — через всю жизнь пронести в себе чувство первоудивления перед всем увиденным и услышанным, умение дивиться жизни во всех ее многообразных проявлениях. Причем следует заметить, что эта, редкая в наши дни, способность к первоудивлению у А. Кобенкова не поза, не рисовка, а стиль. Стиль, которому следует автор.

Стихи поэта просты и непосредственны, автор не слишком строг в соблюдении размера, ритма, в выборе рифм, порой просто неряшлив в стихе, хотя, надо полагать, он в достаточной мере знаком с классическим стихосложением. Тем не менее стихи А. Кобенкова сразу же берут вас в полон своей доверчивой откровенностью, обнаженностью мыслей и чувств. Это и делает его непритязательные по форме, неброские на вид стихи явлением.

И правильно пишет известный критик Владимир Гусев в своей статье, предшествующей сборнику, что творческая манера А. Кобенкова «плохо поддается логическим определениям, но зато неуклонно свидетельствует о жизни, об одаренности». Такие стихи нельзя препарировать, их нельзя разобрать на составные элементы, как нельзя, не уподобясь пушкинскому Сальери, «поверить алгеброй гармонию».

В статье Владимира Гусева в сжатой форме обозначены основные черты творчества Анатолия Кобенкова со всеми их особенностями. Однако, на наш взгляд, новая работа А. Кобенкова заслуживает более подробного и углубленного разговора.

«Две года» невелики по объему (примерно два с половиной авторских листа), и прочесть их можно за тридцать – сорок минут. За это время вы успеете с головой окунуться в будни военной службы и подробности армейского быта. Вы побываете на танцах в солдатском клубе и на ночном дежурстве, почувствуете радость первого увольнения, совершите марш-бросок с новобранцем, с грустью встретите приход осени и, наконец, вернетесь домой, к любимой жене и сыну.

Тематика, как видите, самая обыкновенная. Но дело не в тематике, а в ее художественном воплощении. Анатолий Кобенков умеет опозитизировать прозаические подробности солдатского быта, которые, казалось бы, и невозможно сделать предметом поэзии. По воле автора вы сами перевоплощаетесь в рядового солдата, смотрите на мир его глазами, живете его жизнью, его радостями и огорчениями, задумываетесь о войне и мире, о жизни и смерти, о дружбе и любви.

Прочитав книгу, вы невольно обнаруживаете в себе потребность вновь вернуться к полюбившимся строчкам, прочитать их еще и еще раз. Такова магия поэзии! И это происходит потому, что автору удалось создать свой поэтический микромир. В этом мире все необычно. Здесь апрель сочиняет ручьи, звезда стучится в облако, тополя не шумят, а вещают,

...и музыка — вы слышите — цветет
и лепестки нам под ноги роняет.

В этом стихотворении, строки из которого мы только что привели, наряду с реалиями в виде пчелы, щенка, шиповника, представлен домовый, играющий на дудочке, существо, так сказать, явно ирреальное. Но, странное дело, подчиняясь все той же колдовской власти поэзии, вы самым натуральным образом начинаете верить не только в были, но и в небыли и вместе с автором мысленно повторяете строчки:

Кати, июнь, свой обруч голубой
сквозь вязь травы и солнечные пятна,

кружи, пчела, играйте, домовой,
нам песня вашей дудочки понятна.

А вот как предстает июль перед поэтическим взором автора:

Как будто мальчик у рояля,
он пел и плакал за троих,
и пастухи ему играли
на дудочках берестяных.

В этом микромире, созданном творческой фантазией поэта, поистине,
«что ни слово — ветер нашептал, что ни сравнение — осень подсказала».

Вчитайтесь, вслушайтесь ну хотя бы в эти строчки, которые не оставят
вас равнодушными:

Ни реки, ни птицы, ни волки
в лесу не шумят -
                        тишина!

Четыре зеленых заколки
тебе подарила сосна.

Сто дятлов -
                        ты только послушай! -
считают лесные часы...

Пушистые рюмки волнушек
полны розоватой росы -
давай же поднимем их разом
за то, что сегодня в груди
и реки, и горы,
                        и радость,
и то, что еще впереди...

Большой силы и выразительности поэт достигает в пейзажных зарисовках, в стихах о верности и любви. Из стихов элегического плана выделяются «Как ни бывает жизнь моя светла», «Сегодня полгода, как умер мой друг», «Давно меня смерть не пугает» и другие.

Раскрывая цикл солдатских стихов А. Кобенкова, вы заранее боитесь скуки и однообразия, боитесь серых казенных виршей о казарменной жизни с раз и навсегда установленным порядком, с его нарядами, разводами и дежурствами. Но автор не оправдывает ваших тоскливых предчувствий, причем делает это легко и просто, без всяких поэтических вывертов, поражающих слух и глаз. Все происходит совершенно естественно, как и должно в настоящей поэзии.

С первых же строк автор покоряет вас простотой, доверительностью интонации, душевной откровенностью и неожиданной глубиной. Главное

качество новой книги Анатолия Кобенкова — сопричастность. Сопричастность земле и небу, людям и деревьям, зверям и травам, морям и рекам. Сопричастность жизни. Вас в одинаковой степени трогают и киргизский юноша, читающий Токтогуле на своем языке, и журавли, опустившиеся за аэродромом, и домовый, играющий на дудочке, и рядовой Коробков, дающий своей дочурке диковинное имя — Ностальгия.

Многие детали солдатского быта выписаны со снайперской точностью.

Хороши стихи «Осенью, когда летят журавли», «Та женщина, которую люблю», «Марш-бросок с молодым солдатом», «А все-таки легко и просто жить на свете», стихи, посвященные прощанию с солдатской службой, которые невозможно читать без грусти, но грусть эта светла:

... Достанется кому-нибудь другому

Мой карабин и койка у окна.

Уже не я по ледяной дороге пройду в строю,

подковками звеня,

и в темноте, по боевой тревоге,

мой старшина разбудит не меня.

...Погоны лягут на другие плечи,

и зазвучат иные имена...

Но многое останется навечно:

четвертый пост,

деревья, тишина,

листвы скольжение,

капелек свеченье,

кружение снега,

окрик часовых,

короткий отдых,

трудные ученья

и медленные письма от родных.

Останется все самое святое,

ему с другими вместе присягал, —

мир на земле и знамя полковое,

которое я дважды целовал...

На этих стихах мы наглядно убеждаемся в том, что автору — бывшему солдату — удалось, выражаясь военным языком, совершить марш-бросок от поэтической юности к поэтической зрелости. Стихи А. Кобенкова настолько подкупают вас своей задушевной искренностью, что отдельные недостатки книги как бы ступшеваются и становятся незаметными. И, тем не менее, они есть, и упомянуть о них следует.

В солдатских стихах А. Кобенкова отсутствует преемственность, эстафета поколений. Лирический герой и его друзья по службе — солдаты Иванов, Кадырбаев, Коробков и другие — существуют как бы сами по себе. Будто не было штурма Перекопа, сражения под Сталинградом и взятия Берлина. Юноши с карабинами напоминают нам благодаря этому «Иванов, не помнящих родства», как будто они явились в воинскую часть как пришельцы из космоса, а не как внуки и сыновья участников гражданской и Отечественной войн.

В цикле появляется – и то всего один раз – исполняющий должность завхоза фронтовик Иванов, с которым лирический герой собирается «сыграть в звезды» и грозит Венерой «поставить ему замечательный мат». Мат же получился не только не замечательный, а, скорее всего, неуважительный по отношению к фронтовому поколению, которое грешно представлять в столь обедненном виде. Здесь уместно напомнить стихи Леонида Решетникова «Разговор с моим сыном», особенно заключительные строки, с которыми отец-фронтовик обращается к юноше-сыну в его одногодку:

... Покуда

Вы — для пуль только медь,

Мы же — гильзы,

Откуда вам лететь

и лететь!

Отсутствие преемственности поколений в военном цикле стихов — существенный просчет автора «Двух лет».

В стихах, посвященных Евгению Винокурову, упомянуты все Стерн, Онегин, Жан Кристоф, Мцыри, Рембо, Кант. И без того ясно, что автор — не невежда, а стремление «образованность свою показать» читателю излишне. Тем более что весьма сомнительно, чтобы в библиотеке военно-полевого аэродрома водились книги Рембо, Канта и Стерна. Их «днем с огнем» далеко не в каждой городской библиотеке сыщешь.

Стихи «Город снегом засыпают», «Хочу, чтобы меня любила ты» вычурны и надуманны. Не несут никакой новой поэтической информации стихи «Помаши на прощанье рукою», а «Волос твоих темная сила» просится в альбом любящей супруги.

Но все это неизбежные «издержки производства», которые не могут снизить бесспорных достоинств новой книги, и «Два года» — несомненная удача, говорящая о перспективных возможностях поэта. Но, хотя автору и удалось совершить поэтический марш-бросок от юности к зрелости, ему следует помнить, что пока он осуществил всего лишь первый десант и что ему предстоит закрепиться на берегу поэтической зрелости, накопить силы

для осуществления дальнейших творческих планов и предстать перед читателем уже не юношей с карабином за плечами, а закаленным воином-поэтом, не теряя при том особенностей своего дарования. Анатолию Кобенкову необходимо выйти из созданного им микромира в макромир современной жизни. Это расширит диапазон его творчества, раздвинет поэтический горизонт, позволит разнообразить тематику и поднять новые пласты необъятного поля поэзии.

Алексеев В.
Знамя коммунизма. – 1978. – 24 мая. – С. 3.